

Я не вернусь
ПРЕДАТЕЛЬ

Лила Каттен

Ли́ла Катте́н

Предатель. Я не вернусь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69383236

SelfPub; 2023

Аннотация

– Прости...– Простить? – хмыкнул муж. – В этом теперь нет смысла, Вера.– Что ты такое говоришь?– Твои вещи будут у родителей. В квартиру можешь не ехать после выписки – я ее выставлю на продажу. Документы о разводе получишь, как они будут готовы.– Глеб, Глеб... – не пошевелиться, прикованная к больничной кровати. – Что это значит? Ты со мной разводишься? – кладу руки на чуть выпуклый живот – Что с нашим ребенком? – выкрикиваю.Мужчина, расправив плечи поворачивается ко мне и сунув руку в карман говорит самые жестокие слова:– Его больше нет, Вера. Как и нашего брака. Прощай!***Я совершила ошибку и поверила не тому человеку. В итоге лишилась всего. А однажды поверив, что я еще могу жить дальше, он появился в моей жизни снова. В тот момент, когда я стояла на пороге второго предательства...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	40
Глава 5	53
Глава 6	60
Глава 7	70
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Ли́ла Каттен

Предатель. Я не вернусь

Пролог

Сознание возвращалось медленно. А еще болезненно. Тело казалось тяжелым, в голове звенело, а виски и затылок пульсировали очень противно. И все бы ничего, если бы не боль адская, по-настоящему адская в пояснице и внизу живота.

Я только попыталась пошевелить телом, а она уже стучала тысячей молотков внутри, словно дробя кости малого таза.

Плохо. Это очень плохо. Так не должно быть на моем сроке.

Что случилось? Что произошло?

Наконец резь прошла после попытки открыть глаза, и я тут же озираясь по палате знакомых стен клиники увидела его.

Муж стоял, уперевшись сжатыми кулаками о подоконник.

Его дыхание было частым, глубоким и очень тяжелым. Мне казалось, что при каждом выдохе мужчины, мне на плечи ложился новый груз... презрения. А это было именно оно, и ни что иное.

– Глеб, – просипела еле слышно. И только тревожная тишина позволила моему хрипу быть громче. Вот только муж не реагировал.

Боковым зрением уловила что бугорок привычный в области живота не полностью исчез, но меньше стал однозначно.

Это не могло значить того, о чем я подумала. Не могло. Точно не со мной...

Всхлип непрошенных и гадких слез, выдавших мое состояние будто, растормошил мужчину и на меня посмотрели полные разочарования глаза. Там клубилась боль, черная и мрачная.

– Как съездила к подруге? – первое, что он спросил. Значит он знал где я была. Значит знал уже, что я солгала.

Страх перед ним и страх потери смешались в одно выкручивая меня и ломая. По кусочку превращая в пепел.

– Глеб... – попытка уйти от этого разговора, чтобы спросить самое важное, но на это не хватало смелости.

Не хватало силы встретить правду лицом к лицу, а еще голоса. Горло пересохло и язык буквально прилипал к нёбу.

– Узнала все, что хотела? Насытилась правдой? Может хочешь еще? – он был потоком боли. Он был сама боль, которая сыпалась на мои раны, кровоточащие огнем и солью.

И я кричала, громко и сильно. Но внутри. Очень глубоко внутри себя.

– Прости... – выдала словно это было последнее мое слово к нему обращенное.

– Простить? – хмыкнул, снова отвернувшись от меня. – В этом теперь нет смысла, Вера.

Он словно взял в руки черный маркер и чертил линию им. Линию, между нами, навсегда отделяя меня от себя.

– Что ты такое говоришь?

– Твои вещи будут у родителей. В квартиру нашу можешь не ехать после выписки я ее выставлю на продажу. Документы о разводе получишь сразу как они будут готовы.

– Глеб... Глеб... – ни пошевелиться, ни ударить, не обнять. – Что это значит все? Ты со мной разводишься? Что с нашим ребенком? Что с сыном? – выкрикнула что есть сил громко.

Мужчина, расправив плечи повернулся ко мне и сунув одну руку в карман ответил самые жестокие слова, которые я когда-либо могла услышать:

– Его больше нет, Вера. Как и нашего брака. Прощай!

Развернулся и быстрыми тяжелыми шагами вышел из палаты оставив меня наедине с эхом его слов. Слов, что складывались в неверные словосочетания и предложения. Это ведь неправда.

Ложь.

Но для чего? Я уже все поняла.

– Нет... – скрипучий шепот. – Нет... – отчаяние в каждой букве.

Руками глажу мягкий, выпуклый живот и плачу. Истекаю слезами так же, как и на холодном бетонном полу старого

подъезда истекала кровью.

Он прав. Это я виновата.

Это Я Виновата!

Глава 1

Незадолго до событий пролога

– Итак, вот ваш малыш, – женщина показывает на мониторе нашего с мужем сына, от чего я не прекращаю улыбаться. – Ручки и ножки сформированы, так же, как и внутренние органы, которые соответствуют тридцати пяти неделям. Одним словом, он полностью здоров, как я вам говорила ранее.

Поворачиваю голову и вижу, что Глеб неотрывно смотрит на меня. Кажется, что он даже в монитор ни разу не глянул. Но заметив мой взгляд тут же опускает глаза в телефон. Мне порой хочется его просто разбить. Беременность вырвала из меня наружу все эмоции от злости... до злости.

Не могу смотреть на то, как он где-то там в своем бизнес-мире.

Настроение тут же портится. Даже вся радость от того, что видела сейчас ребенка, исчезла. Хотела бы резко встать и уйти. Вот только такое, к сожалению, невозможно осуществить. И потому я принимаю его руку и медленно поднимаюсь с кушетки.

– Мог бы хотя бы тут убрать его в карман, или тебе совсем плевать на происходящее вокруг? – не удержавшись шиплю

на ухо.

Он одаривает меня взглядом скорее насмехающимся, но гаджет опускается в карман пиджака, и я ликую.

Никогда не думала, что прекрасное состояние женщины, как беременность так сильно меняет ее характер являя миру, как бы сказать по мягче слово стерва? Или я преувеличиваю? Может я просто хочу внимания, которого у меня нет.

Он как холодная стена. Прислонись и ничего кроме холода не почувствуешь. Но стоит поймать его на подобном взгляде, как пару минут назад, думаешь, что ошиблась, пока вновь не прислонишься к стене.

Врач записывает в карту какие-то наблюдения, Глеб стоит за мной, сжимая спинку стула. А стоит доктору закончить, он, приобняв меня выводит из кабинета.

– Поезжай домой с водителем. У меня дела, – предупреждает уже возле машины, открыв для меня заднюю дверь.

– Мог бы и не говорить. У тебя каждый день один и тот же сценарий, – недовольно отвечаю, но садиться не тороплюсь.

– Тебя что-то не устраивает, Вера?

– А тебя так интересуется что мне нравится, а что нет?

– Недавно ты просила о том, чтобы я не появлялся рядом с тобой и держался подальше, к чему сейчас твои возмущения? – спокойным и ровным тоном сообщает мне что он якобы выполняет мои просьбы.

– Год назад я просила тебя исчезнуть из моей жизни, ты почему-то повел меня в спальню готовясь к брачной ночи.

Почему тогда не услышал меня?

Смотрю на него, как и он, с легким прищуром голубых глаз. Только это его какая-то особенность. Но попав под влияние его этих глаз невозможно почему-то сопротивляться. Вначале еще выходило, а потом перестало срабатывать.

Не скажу, что люблю его. Ведь наше знакомство и сама история «любви» слишком сложная. Быть может, я просто смирилась за это время, что все мои планы теперь коту под одно известное место пошли. Я жена, я будущая мать и хранительница очага. И это в мои неполные двадцать один год.

Так чему я должна быть благодарна? И главное кому? Меня никто не слышал и не спрашивал мнения. Понимаю, что сейчас мои действия смахивают больше на каприз, однако порой я задумываюсь о том, куда нас вообще все это ведет. Он отстраненный. Живет своей жизнью. Мы соседи... с привилегиями.

– Вера, ты моя жена. Это не изменить. Мне казалось, что ты это давно поняла. Пожалуйста, садись в машину и не стой на холоде. Я буду дома, как только закончу дела.

– Знаешь, может тебе вообще не приезжать домой? Все равно тебя там будто нет.

Сажусь в машину, и сама хлопаю дверью, как можно сильнее.

– Евгений, поедem в детский театр. Сегодня там постановка танцевальной группы.

– Как скажете.

– И Глебу Львовичу об этом знать не обязательно, – на всякий случай уточняю.

– Разумеется.

Горько вздохнув, поворачиваю голову и смотрю на снег, летящий навстречу. Снежинки липнут к окну, и задержавшись всего на долю секунды, показав себя во всей красе – тают.

Может быть я как снежинка? Таю без него, а прикоснувшись к ледяной душе вновь образую кристаллики, и так по новой?

Подъезжаем к театру. Водитель остается в машине, по моей просьбе. А я вхожу в место, которое было бы для меня домом, если все шло так, как этого хотела я. Но я теперь всего лишь зритель. Всего лишь... зритель, смотрящий со стороны на свою жизнь, в том числе.

Глеб

Я увидел ее впервые после встречи с отцом Веры. Мы заключили выгодную сделку, и разговорившись ему в этот момент позвонила дочь. Хвастаться Артем Геннадьевич любил. Вот и в тот раз не удержался.

Не знаю, быть может, пристальный взгляд на фото в его телефоне выдал мой заинтересованный взгляд, но я немного как говорится «подвис».

Нежная, красивая, восхитительная. Она стояла вполобо-

рота в розовом платье, а ее длинные, русые волосы были распущены и спускались на одно плечо, обнажая спину. Она смотрела в камеру, но взгляд был послан куда-то дальше. Она не была в прямом смысле там в тот момент. Будто фотографируешь человека, который задумался.

«– Красавица правда? – спросил он и я честно ответил.

– Правда.»

Через месяц я надевал на ее палец кольцо, а она, улыбаясь на камеры шептала мне проклятия.

Забавно, но в ней укладывалась нежность и дерзость в идеальный такой слой. Одно дополняло второе. Каким образом? Я так и не понял до сих пор.

Но впервые я увидел ее настоящую, когда она сбежала от охраны и отправилась танцевать. Нет, не в клуб.

Она нашлась в танцевальной студии и парила по паркету. Это был не балет. Но мне определенно нравилось то, что я видел.

Я ушел до того, как она меня заметила. Ушел с пониманием, что это и было то, в чем она меня обвиняла по итогу. То, чего ее лишили родители. А потом и я, потому что, приняв решение отправить ее учиться она забеременела.

Со временем она приняла, казалось, свою новую жизнь. Я может быть не самый открытый человек, не обнажаю душу перед ней, но все-таки я стараюсь. В ответ я так же получаю ее настоящую.

Вот только открываться до конца мы оба, пока что так и

не научились.

В очередной раз пытаюсь сгладить углы, но выходит, наоборот.

Вера едет в театр, а я в офис, откуда поеду по только мне известному маршруту.

Сирота с детства. Выросший в детдоме. Казалось бы, злой на своих родителей. Однако помогающий мужчине, которого бы звал отцом. В таком не признаешься каждому. И огласка мне не нужна.

Языкам нужен повод, а мне покой. Нашел бы я понимания у Веры? Быть может да, но рисковать не хочу.

Она сама брошенная своими вечно требующими отличия родителями, дочь. Я вижу, как она тянется ко мне. Но могу ли я дать ей это тепло в полной мере, если самому холодно?

В клинику вхожу с заднего входа и попадаю в комнату, где мы с ним видимся.

Он почти не говорит. Много не помнит. Но каждый раз узнает меня и просит прощения, говоря, что не знал обо мне до последнего.

Важны ли мне эти объяснения? Я уже и сам не знаю. Знай он обо мне, чтобы это изменило? Ничего. Я бы все равно оказывался тут, ради этого почти безмолвного разговора «отца» и сына.

Вернулся домой, тут же наткнувшись на Веру, которая проходила из кухни в гостиную со стаканом молока в руке.

Длинная туника, обтягивающая ее красивый живот.

Немного поправившаяся и эта ее походка.

Как бы там ни было, ей беременность точно к лицу и не хочу ее пугать, но я хочу ее видеть такой снова.

Не посмотрев на меня, напрямую проходит мимо, но все-таки цепляет взглядом в зеркале, тут же отвернувшись.

– Чем занималась?

– Сидела дома, читала, ела, убиралась, стонала от распухших ног, ела, – отвечает ехидно, усевшись в свое любимое кресло.

Ступаю в ванную, мою руки, умываюсь. Принимаю душ, сменив одежду на домашнюю выхожу к ней.

Она может злиться. Она может со мной не разговаривать, но она знает, что сейчас я разверну ее кресло к дивану, сяду прямо перед ней и взяв ладони ее ступни начну разминать, пока она не станет мерно дышать, почти засыпая от удовольствия. А я, слушать тихие стоны и наслаждаться этой музыкой.

– Ненавижу, когда ты так делаешь, – кое-как собравшись говорит мне.

– Как? – улыбаюсь. – Вот так? – нажимаю сильнее в центр ее пятки.

– Ммм... боже... ну почему ты не можешь быть таким всегда? – выдает, находясь в состоянии полного откровения.

– Потому что иначе, тебе станет скучно, – целую пальцы, перемещая губы выше. – Потому что мне нравится сердитая Вера, – дохожу до колен, опуская ее ноги на пол, где оказы-

ваюсь сам перед ней.

Она открывает глаза, в которые я смотрю прямо напротив. Женские, тонкие пальчики пропускают через себя мои чуть длинные волосы и сжимает их на затылке.

Приближаюсь как по сигналу к ее лицу и дышу ароматом дорогого парфюма, который раскрывается на ее коже будоража мои рецепторы.

– А я, – шепчет в приоткрытые губы, – все равно ненавижу...

Опускаю руки на ее талию и погладив ее смещаю ладони на большой живот, обхватывая его ими почти полностью в таком положении.

– Как он там? – целую в губы едва коснувшись их.

– Решил, что мне не нужны крайние ребра и работает над их удалением, – тихо смеется, а я опускаю голову и целую в самый центр живота.

– Говорил же там будущий хирург, – наслаждаюсь тем, как она гладит шею, плечи.

– А может костоправ.

– Может.

Ненадолго замираем, и момент почему-то каждый раз исчезает. Словно растворяется.

– Я голоден. Что у нас на ужин?

– Рыба запеченная и овощи. Тебе еще пюре приготовила.

– Спасибо, – целую в щеку и встаю.

– Помочь?

– Не стоит, я сам.

– А подушку мне принести можешь?

– Конечно.

Приношу ей ее любимую вещь, с которой ей удобней сидеть и под звуки какого-то фильма ухожу на кухню, размышляя над тем, что эту стену невидимую, но слишком ощутимую стоит наконец преодолеть. И полагаю, что она состоит из доверия.

Глава 2

Вера

Как только муж скрывается за стеной кухни мне на телефон приходит сообщение с неизвестного номера.

«Привет, малышка! Как ты? Еще помнишь меня?»

Сначала удивляюсь, а потом вспоминаю, что только один человек зная как меня бесит это, мог себе такое позволить.

«Привет, Рома. Прекрасно помню. И даже то, как ты свалил в закат посмеиваясь мне в лицо. С чего вдруг вспомнил?»

Руки дрожат. Потому что я стараюсь не окунаться в тот месяц, когда отец пришел и просто сказал, что есть некий Глеб Титов и я стану его женой.

Мама молчала, пока я выдавала тираду о несправедливости, а стоило попросить у нее защиты и понимания, как тут же встала на его сторону. В общем-то против его слова она не шла ни разу. Чего удивляться?

«— Брось папа, это не смешно, — стою ошеломленная заявлением предков. — Мам скажи ему. Это ведь какой-то бред. У меня есть Рома. А этого старого мужика сплавьте еще кому-нибудь или заведите еще одну дочь.

— Что за разговоры, Вера? — папа, теряя терпение сжимает

кулаки и покрывается красными пятнами на лице.

– А ты думал, что я с радостью выйду за этого тридцатилетнего Глеба Титова?

– А ты думала, что я позволю дочери таскаться с этим оборванцем? Не для того я вкладывал в тебя столько денег.

Началось.

– Ну да, заведи снова тему о том, что я твоя главная инвестиция. Мам, а ты почему молчишь? – смотрю на нее уже заранее зная, что я последняя чью сторону она примет. У нас ведь не принято идти против слов папы, даже если это полная чушь.

– Потому что согласна с отцом. Пора взрослеть дочка.

– Я вроде как уже и не маленькая.

– Тогда веди себя соответствующе.

– Вопрос решен, Вера, – перебивает нас обеих и ставит точку. – В эту пятницу будет ужин. Мы пригласили Глеба к нам. Он уже в курсе мероприятия и будущего торжества разумеется. Он не против, поэтому будь готова, – не против? Ну разумеется, ему в жены двадцатилетняя невеста попала. – Принарядись, выберите платье с матерью соответствующее. И не вздумай что-то учудить. Твое будущее уже решено и так было всегда, к чему сейчас сопротивляться.

– А как же то, что я хочу? Вы не дали поступить на хореографический, вы не позволили даже просто продолжить танцевать...

– Потому что эти пляски то, что не прокормит. Не пока-

жет тебя как личность сильную и умную. Хочешь танцевать у тебя есть дом, попросишь Глеба сделает комнату для танцев. Остальное оставь. Тебе двадцать, через год появится ребенок. О каких танцах вообще речь?

– Ребенок? Ты точно бредишь. Это ваши мечты, пап, а не мои. Да я лучше из дома уйду.

– Нет, – хватает за руку и дергает меня так, что нижней челюстью бьюсь об верхнюю, – ты останешься тут и не выйдешь из дома до тех пор, пока не смиришься. А с этим нищим я поговорю. Не хватало мне этого позора для полного счастья.

– Не смей. В конец хочешь меня опозорить?

– Если понадобится, я закрою тебя дома до самой свадьбы. А потом посоветую Глебу отправить тебя за границу учиться, пока вся дурь из головы не выйдет.

Одергиваю руку, выпутавшись из его цепкой хватки.

– Как интересно, в кого это она у меня такая дурная? – разворачиваюсь и убегаю к себе.

Хлопаю дверь, что есть силы и падаю на кровать. Но только не плакать, а уткнувшись в подушку кричать. От бессилия и отчаяния. Ведь он сделает все именно так, как задумал.

Откуда мне взять силы, чтобы бороться с ним? Даже мама по его указке только и ходит.»

В общем-то тот самый Рома сбежал, поджав хвост и забыл о вечной любви ко мне. Но его ли мне винить? И вот сейчас

снова.

«Да ладно тебе, Вер. Ну молодой был. Глупый. С кем не бывает. Сейчас вот снова в городе. Может увидеться?»

«Ром, ты выпил? Я замужем. Гуляй, давай. Молодой и глупый, сейчас будто вырос. Год прошел. Все не пиши мне».

Откладывая телефон и смеюсь с последнего его сообщения. И чего ему надо?

– Что смешного произошло? – спрашивает вернувшийся Глеб.

– Да тут... фильм со своим юмором интересным. Не обращай внимания.

Он садится на диван устроившись в углу и в руках тут же оказывается телефон.

– Я звонила тебе в офис часов в шесть, попросить купить помело, сказали тебя там уже нет. Даже по пробкам добираясь до квартиры, ты приехал бы раньше. Куда-то заезжал?

Ненавижу что я оказываюсь ворчливой девчонкой двадцати лет, которая то и дело пилит мужа, но если я в этом браке, то уж точно не пустое место. И вот так с собой обращаться не позволю. Хотя думать о том, что у него есть другая до ужаса противно. Но было бы честным разобраться во всем сразу.

– Заезжал, – отвечает ровным тоном и заинтересованно смотрит на меня, водя указательным и средним пальцами по своим губам.

– Что? – не выдерживаю.

– Думаю о твоём дне рождения. Хочешь чего-нибудь осо-

бенного?

– До него я могу уже родить, так что просить что-то особенное не стану.

Его вопрос немного выбил из колеи. Я и сама не думала о своем празднике в глобальном масштабе. Беременность сейчас дается чуть тяжелее. Быть может, я попросила быть в этот день рядом. Но разве о таком нужно просить? Он сам не хочет этого. И если в начале он еще задавал разные вопросы, пытаюсь, узнать меня, то я сделала так, чтобы он передумал это делать впредь. Вот только прошло время, и я стала понимать, что вела себя глупо.

Сейчас я хочу другого, а он не понимает намеков. Или делает вид, что не понимает.

– Подумай о подарке. А я посмотрю по ситуации, что могу сделать.

– Хорошо, но на мой вопрос ты не ответил.

– Разве? Ты спросила не заезжал ли я куда-нибудь. Мой ответ – заезжал.

Раздражение как змея ползло под кожей. Дыхательная гимнастика и мысленный счет не помогали, даже не знаю, как удалось сдержаться чтобы не начать скандал.

– Глеб, а мы на чистоту можем? – ровный тон, надеюсь удастся показать «спокойствие».

– Конечно, – поворачивает от экрана телевизора голову в мою сторону и смотрит завораживающе своими глазами. Волосы разлохмачены, торчат красиво в разные стороны.

Я не могу на него налюбоваться. Он так красив. Надеюсь, что я не оплетена ложью, которую он мог так же красиво сплести вокруг меня.

– У тебя есть другая женщина?

Сначала он сидел неподвижно и просто смотрел, а потом улыбнувшись уголком губ, красиво их, изогнув, ответил:

– В моей жизни только одна женщина – это ты. Если не считать Риту.

– Твою сестру я рада видеть рядом с тобой, но других нет.

Запрокидывает голову и тихо смеется, а я смотрю на линию шеи, красиво выделяющуюся гортань и мужской кадык. Кажется, сегодня мои гормоны не настроены шалить и нервировать меня. Поэтому, когда он манит меня рукой к себе сев так, чтобы я оказалась у него между ног, прижатая к его груди спиной я тут же встаю и иду, заметив, что мой телефон засветился новым сообщением с того же теперь уже известного мне номера.

В итоге вечер провели замечательно с Глебом. Посмотрели фильм. Решили съездить в субботу в детский магазин и наконец определиться с именем для сына.

Мне нравится, как он задумчиво размышляет о важном, поглаживая мой живот. Он говорит о том, какие возможности есть для детей. Как мы будем воспитывать нашего мальчика. Какие ценности прививать. В чем-то оказывались по разные стороны, но все же нам удавалось найти решение.

Вечер переместился с дивана на пол, чтобы нам было

удобней вместе лежать. А дальше мы пошли... нет, не в спальню, а на кухню.

– Уверена, что столько съешь? – муж смотрит на мою тарелку в которой оказалось очень много разной еды и улыбается.

– Не сомневайся в моих способностях, дорогой, – шелкаю его по курносому носу и взяв свою еду иду обратно в гостиную красивой походкой. Хотя, сомневаюсь, что это возможно в моем положении.

– Чем займемся, пока ты поедаетшь порцию для мамонта?

– Ммм, – отрываюсь от еды, – я скачала сканворды на планшет. Что думаешь?

– Не против, но, чтобы ты знала, я в них не силен.

– Я вообще не знаю, для кого они пишут половину тех вопросов, которые даже поисковая строка в интернете не знает.

Глеб приносит планшет, и мы уносимся, смеясь в мир букв.

– Тут должно стоять другое слово, а ты выдумала это, – недоумевающе смотрит муж.

– Но сюда подходит. Я другого не знаю. И что такого что выдумала, здесь буквы не проверяются. Пиши говорю.

Он сдается и все-таки записывает мои выдумки.

– А я говорил, давай в ответах посмотрим.

– Никогда не сдаюсь на полпути. Тем более никто не запрещал, – смотрю на него довольно откровенно с намеком на нас.

– Я тебя понял, а теперь пойдём спать? – гладит мою поясницу, заметив, как я тяжело вздохнула выгибаясь.

– Только тарелку отнесу, а ты иди расправляй кровать, – мою сразу посуду, так как не люблю оставлять грязной и проходя по гостиной беру с собой телефон, тут же прикладывая палец к отпечатку и разблокирую его.

На экране всплывает наша переписка с Ромой и его последнее непрочитанное мной сообщение.

«Да ладно? Ты до сих пор замужем? Я думал вы развелись, давно с Титовым.»

От такого заявления аж слюной давлюсь. Ну и мерзавец.

«Мы вообще-то ребенка ждем и расставаться не планировали. Так что с вещами на выход. Больше ничего не придумал?»

Останавливаюсь перед нашей спальней, потому что на экране прыгают три точки, говорящие о том, что он пишет мне что-то. Не знаю, зачем вообще жду его ответ.

– Вера, ты идешь? – зовет Глеб.

– Да-да, я сейчас. Ложись.

Что угодно я хотела увидеть, но точно не то, что в итоге прочла.

«Просто он частенько тусует с бывшей женой в одном клубе, вот и решил. Да и слухи разные ходят».

– Что?

«Какие еще слухи? Ты что несешь? При чем тут его бывшая жена?»

«Слушай, я сейчас занят. Давай увидимся и я тебе все расскажу, там дофига всего».

Гнев и недоверие смешивались в одном коктейле и заглушали разум напрочь. Если сообразить и сопоставить его вечные опоздания и задержки, то...

– Нет, нет... – трясую головой, будто это поможет мыслям исчезнуть.

«Иди к черту, Рома.»

Блокирую телефон и убираю его в карман туники.

Злая вхожу в комнату и посмотрев на улыбающегося в постели Глеба еще сильнее завожусь.

Прохожу в ванную, но снова появляться перед ним совсем не хочется. Однако если поразмыслить я задам вопрос и поводом будет переписка с бывшим? Сомнительные факты выходят. Переодеваюсь в майку и шорты специально для беременных и распустив волосы укладываюсь в кровать.

Зеваю и решаю оставить эти мысли на завтра, потому что уже поздно и как только я коснусь подушки головой тут же усну. Мало что толковое сейчас смогу сообразить.

– Ты в порядке? – обеспокоенно смотрит на меня.

Отгораживаюсь от него специальной подушкой, которую укладываю между ног и закрываю глаза, напоследок ответив:

– В порядке.

Ощущаю на себе его взгляд. Однако быстро уношусь в сон, среди которого чувствую, что Глеб ложится чуть ближе и приобнимает как может, поцеловав в плечо.

Утром провожаю его в офис. Мысленно давно в важном вопросе и на распутье «спросить или не спросить».

– Чем будешь заниматься? – спрашивает перед уходом.

– Может к подруге поеду. Она вчера звала меня. Еще не решила.

– Бери водителя обязательно.

– Хорошо. Пока.

Сомневаясь долю секунды целую мужа в щеку и, закрываю дверь квартиры.

На кухне наливаю себе чай и сижу с открытым окном чата.

Рома появляется в сети и это все решает.

«Ты врал вчера?»

«И тебе доброе утро. Ты же меня к черту послала, но я-то прав. Иначе бы не было сомнений, Вера.»

«Что за клуб? Я сама все узнаю.»

«Не ночной. Есть и другого рода клубы, по разным категориям и интересам людей, куда можно попасть и днем, и ночью.»

«Бред какой-то.»

«Не верю.»

«А мне по барабану, Орлова. Я хотел просто увидеться.»

«Я тебе еще раз говорю, я замужем.»

«И что? Люди не общаются после замужества? Не видят-ся? И вообще я реально думал, что ты с этим уродом развелась. Давай, пока.»

Под черепной коробкой будто норовила взорваться бом-

ба.

С одной стороны, Глеб и его вечные отговорки. Недомолвки и увиливание от вопросов моих. С другой стороны... я не хотела верить, что он мог меня обманывать.

А ведь я могу увидеться с Ромой, посмотреть, что там за фотки и выслушать. В конце концов, он мой... одногруппник бывший. Да и вообще, разве Глеб не общается с женщинами вне работы? Я же не домашний зверек. И не собственность его. У нас не было запретов на общение с людьми противоположного пола.

– Ааа, – устало откидываюсь на спинку стула. – Что делать?

«Сегодня можем встретиться?»

Отправляю сообщение, а малыш прямо активно начинает толкать изнутри, что больно становится.

– Тише, сынуль. Ты чего? – глажу, и аккуратно ставлю ребро ладони так, чтобы он не мог меня бить по ребрам. – Мамочке, больно.

Телефон сигналил сообщением, в котором одно слово: «Да».

«Тогда скажи, где увидимся.»

«Подъезжай на Кировский район.»

«Ладно. Мне недалеко. Как подъеду напишу.»

«Ага. До встречи.»

Одеваюсь почему-то так медленно. Живот немного и нечасто твердеет.

Благо дождя нет. Поэтому оставляю зонт дома.

Водителю сообщаю куда едем и поглаживая живот сильно нервничаю всю дорогу.

Глава 3

Пишу Роме, оказавшись в его районе. Честно говоря, ни разу, кажется, тут не была. Самая окраина города. Раньше он в другом жил.

Он в ответ пишет дом и квартиру.

«Стой, я к тебе подниматься не стану. Выходи поговорим на улице».

Водитель, петляя по улицам уже начинает косо смотреть на меня.

– Сейчас она адрес напишет, в сети нет.

Он кивает и устремляет взгляд на дорогу.

«Ни фига. Чтобы твои верзилы из охраны мне все ребра пересчитали? Нет уж. Хочешь поговорим в подъезде. Но на улицу не выйду».

– Черт... – шепчу под нос не зная, как поступить. Идея вообще уже не кажется такой радужной и перспективной.

С другой стороны, если Глеб пропадает именно с бывшей женой, то...

Называю водителю адрес, и он сворачивает в нужном направлении.

Останавливаемся напротив девятиэтажки.

– Со мной можете не идти. Я не очень долго буду. Купите мне пока что горячий чай и зефир, тут рядом кафе есть, ка-

жется, я видела. И ждите тут, я спущусь сама.

Этот трус еще и сбежать может, если увидит моего водителя.

– Вы уверены?

– В чем? В том, что я иду к подруге?

– Вдруг там лифты неисправны?

– Спасибо за вашу заботу, – улыбаюсь ему так, чтобы нервно не вышло, – но я правда быстренько.

Выползаю из машины и иду в подъезд. На восьмой поднимаюсь на лифте, который, кажется, еле скрипел в этот момент. Звоню в квартиру и дверь открывает Рома. Какой-то слегка помятый, небритый и кажется не стиранный давно.

– Нихера себе, я думал ты шутканула по поводу пуза.

– Пуза? Слова подбирай.

– Ой, ты какая была такая и осталась. Заползай.

Вхожу в неопрятную квартиру. Кажется однокомнатную.

– Чай будешь?

– Нет, спасибо. Ром я тут по делу, помнишь?

– А да, ща.

Уходит и возвращается с телефоном.

– Ты бы хоть рассказала, как твои дела? А то, мы так и не пообщались нормально.

– Мои хорошо. А твои как? Выглядишь странно если честно.

Вспоминаю с иголки одетого парня, и он никак не идет в сравнение с тем, которого я увидела сейчас.

– Это называется жизнь, малышка. Зырь, – тычет телефон, прямо в лицо.

Пытаюсь рассмотреть, что там, но его рука прыгает.

– Можно я сама? – беру в руки смартфон и смотрю на то, как Глеб целует в щеку ту самую блондинку его жену, Карина кажется.

Следующие несколько фото словно из того же дня и в углу замечаю кое-что странное.

– Они обрезаны?

– Кто?

– Фото обрезаны? Тут будто даты видны.

– Да черт знает. Мне скинули я тебе и показываю.

– Ты сказал, что видел их сам.

Очевидная ложь.

– Ну да, а фотки не моих рук дело.

– Ясно, – ситуация напрягающая и потому я встаю сразу же. – Спасибо, что показал.

– А ты куда? – он, развалившись на диване тут же встает за мной.

– Я поеду, там меня охрана ждет.

– Типа предупреждаешь? Я-то тебе ничего плохо не сделал. Боишься, что ли?

– Да нет, тебя мне зачем бояться? – от его тона становится не до шуток.

Тут же кладу руку на живот, ощущая как малыш начинает активно пинаться.

– Вот и правильно. Я это... спросить хотел.

– Давай скорее, что-то у меня живот схватывает, – посматриваю на дверь пытаюсь понять заперто или нет.

– У тебя денег нет? – его вопрос ошарашивает меня очень сильно.

– Что? Денег?

– Ну да, может пара кусков.

– Кусков?

Жаргон вообще непонятен совершенно, я словно с другим человеком разговариваю.

– Ну да, штука или две.

– Есть, погоди сейчас.

Вытаскиваю ему купюру, и он начинает смеяться.

– Ты прикидываешься?

– Нет, ты же... ты что имел в виду доллары? – доходит до меня.

– Ну да, нахера мне твоя вшивая мелочь, – смеется, но деньги из руки все же забирает.

– Ты за этим меня звал?

– Ну не только. Ты ж сама ехала узнать что-то о своем муженьке. А за информацию платить надо.

– Да иди ты. Там Глеб младше выглядит чем сейчас. А женат он был на Карине пять лет назад. Так что не удалось тебе нас рассорить.

– Рассорить? Мне бабки нужны, дура, а не ты и твой суженый.

– Так бы и сказал, все равно ни копейки бы не дала.

– Уверена? У меня еще кое-какие фото есть. Только уже другие, – словно змея крадется. – С тобой в главной роли.

– Что?

– Ага, ты когда спала я тебя фоткал как-то. Значит слушай, малышка, быстро дала мне бабок, да побольше. Иначе в сеть выложу, посмотрим, что потом скажет твой Титов.

Смотрю на него как на насекомое и смеюсь.

– А выкладывай. Чего чего, но не стесняться же мужу меня.

Разворачиваюсь и выхожу из квартиры быстро переставляя ноги.

– Стой падла, – рвусь вперед и жму на кнопку лифта.

– Отвали, я сказала.

– Думаешь я шучу? – хватает за руку. – Хрен ты угадала. Сейчас же и выложу, Вера.

Ожидание не приносит результат. Этот идиот что-то мне бубнит в ухо, и я разворачиваюсь, чтобы идти по лестнице. Подниматься трудно. Спускаться полегче должно быть. Главное уйти.

– Куда собралась? Меня убьют если не найду деньги, слышь?

– Да нет у меня денег. Все переводы, все под контролем мужа. Наличные тоже снять не смогу. Да и не стала бы я тебе давать их. Папа мало заплатил?

– Вот же сука...

Делаю шаг проходя мимо. Рома толкает меня плечом, так сильно, что я на краю ступеньки не удерживаю равновесие и падаю лицом вниз.

Пытаюсь прикрыть живот, но если в первый раз удалось, то дальше я катилась кубарем.

С последним ударом я вдохнула, но выдохнуть так и не смогла, потому что все поплыло и глаза заволокло слезами.

Мне было так больно, и казалось, что я вся онемела внешне. Но та боль, которую я ощутила впервые, такую ни с чем не спутаешь, почувствовав однажды я думаю.

Болела поясница и низ живота, а штаны... они намокали. И я бы решила, что возможно описала их, но это было другое.

Глазами уловила силуэт Ромы, который схватил мою сумочку, кажется, и убежал, а после я услышала стук двери.

– Помогите... – прохрипела кое-как, на грани сознания.

Голове становилось холодно, так как я была без шапки и всему телу тоже.

Я лежала там и пыталась держать свое сознание. Но надолго меня не хватило, и я погрузилась во тьму боли и медленно стучащего пульса.

Глеб

Я виноват. Потому что ее недоверие выросло из-за моего нежелания делить с ней все. Постель, дом, дети – это лишь

часть семьи, остальное скрыто в доверии, любви, уважении.

В очередной раз я все сделал неправильно.

С Кариной у нас не было взаимопонимания. Все строилось на страсти, близости, но дальше я ее не пускал. А она устала ждать. В итоге – развод, что вполне закономерно.

Разве можно быть открытым до конца? Я так не умею, я думал, что в этот раз нас сплотит нечто другое, но ошибся.

Но злости во мне на Веру было так же много. Она, не подумав ни о себе, ни о сыне нашем поехала туда намеренно солгав. А узнав, что это плюс ко всему был тот самый игроман бывший я слетел с катушек.

Водитель позвонил и сказал, что она слишком долго у подруги. Это сразу меня вырвало из дел.

– Иди за ней быстро. Какой адрес? Я сейчас приеду.

Услышав этот район, даже не поверил сразу, что туда она поехала к подруге. С каждым метром внутри назревала буря страха. Она становилась все больше, а когда я встал в пробку мне позвонил водитель, я понял, что не зря меня крыло.

Приехал вместе со скорой наравне.

Говорить им кого спасти мне не пришлось. Они будут выбирать сначала мать, потом ребенка. Получится будут обоих.

Крови было так много, что запах стоял на весь пролет и выше.

Оставались вопросы: Кто? Зачем? Почему?

Но придурок вышел на нас сам. Как только уехала скорая мы вернулись, а эта тварь крадучись показалась из-за двери.

– Ну привет, Рома. Я, кажется, тебя предупредил?

– Я-я-я... я... это не я. Она сама. Я тут к другу приехал.

Это не я...

– Это мы сейчас и узнаем.

Год назад этот шакал приходил и пытался выцепить Веру, но я его вовремя перехватил и доходчиво объяснил, что к чему. Вроде бы казалось, что он меня понял.

Он игрок. И видимо сейчас его приперли к стене, но меня это вообще не волнует.

Услышал его рассказ как все было и оставил водителя Веры и по совместительству охранника с ним, чтобы хорошенько ему объяснил кто он такой, а после чтобы адвокаты заперли его в тюрьме до конца дней, которых будет не так много у него.

– Все сделаешь и будешь свободен. Ты со своей задачей не справился.

– Да, Глеб Львович.

Поехал сразу в клинику, но входить туда боялся до ужаса.

Сестра работает здесь и была одна надежда на то, что она постарается сделать все что в ее силах.

Хотя она хирург. В любом случае я, не останавливаясь шел туда.

Поднялся на третий и наткнулся на Риту.

– Глеб, – она подошла ко мне и сразу же обняла.

Воспринимать это как сожаление я не торопился. Потому что хотел верить в то, что все обошлось.

– Привет. Тут Вера и...

– Глеб я знаю. Скажи, что произошло?

– Потом скажу, ты мне лучше ответь, где мои жена и сын?

– Вера в палате. Она пока что под наркозом. Еще пару часов проведет без сознания.

– И? А... сын? Ребенок как? – выговаривал по слогам.

Не знал каких богов молить о том, чтобы сжалились над ним. Подарили этот шанс. Но Рита молчала, опустив голову.

– Не ответишь? Где врач, который мне ответит? Кто проводил операцию? – начинаю говорить громче, нервы срывают тормоза, а самого трясет от понимания всего происходящего... произошедшего.

– Мне так жаль...

– Тебе жаль? Не надо жалеть. Найди врача, Рита, – уже кричу на нее, а сам прислонился к стене и медленно опускаюсь.

Мне не нужны были термины. Я знал итог. И с ним вошел в палату Веры, простояв перед окном все это время, пока она не пришла в себя.

Я не был готов к такому решению, которое ей озвучил, но иначе тоже не мог. Я буду видеть то, что сделала она, винить ее, себя. Она будет делать то же самое.

Мы пытались, но это привело к тому, что порознь будет правильно.

Ее доверие не появится вдруг, покажи я ей свою душу. А я не прощу ни ее, ни себя.

Это точка. И она неизбежна для нас.

Вера

Прийти в себя удавалось с трудом. И когда я открыла глаза я по-прежнему лежала на том холодном полу, и сама была ледяной. Боль окутала всю меня от затылка и до кончиков пальцев, которыми я даже пошевелить не могла.

Попытка позвать на помощь снова провалилась и с очередным спазмом в животе, который ощущался как взрыв изнутри, я снова отключилась.

Дальше я парила по воздуху. Видела сквозь приоткрытые глаза то свет, то мрак.

После его монолога я ударилась в слезы. Чувство вины перед моим малышом глушило меня потоком агонии и сумасшествия.

Поверить его словам я не могла.

Может он его забрал? Может он решил меня наказать? Но как он мог уйти? Как мог вот так просто бросить одну?

Видимо так же, как я запросто поехала куда-то к совершенно теперь незнакомому человеку и поставила под угрозу нашего сына.

– Прости, прости... прости... я так виновата, – глажу свой живот, который очень болел, но плевала я на эту физическую боль.

Не верю. Я не верю ему.

Это не правда.

Он врет.

Пытаюсь встать, но сил не хватает на многое. Да и понимаю, что встань я на ноги тут же упаду.

Благо ко мне вошла медсестра и вопросы посыпались из меня потоком вперемешку со слезами.

Но ее ответы были не теми, которые я мечтала услышать.

– Врачи сделали что, могли, Вера. Вы долго лежали там на бетоне. Много крови потеряли, мы и вас кое-как спасли. Но малыша... к сожалению не удалось.

– Неет, нет... это же не могло произойти. Он такой крепкий был... А срок, он большой. Это не... не правда. Он вам заплатил? Сколько он вам заплатил? У меня есть деньги. Много денег. Скажите правду умоляю.

– Простите, но правда такова. Мне жаль.

Ей жаль... а я умираю. От своей глупости, от греха, который совершила по отношению к своему сыну.

Как мне дальше без него? Как вообще можно без него?

Глава 4

Новое пробуждение подарило забвение, что ничего не произошло. Что все лишь сон отвратительно страшный.

Я осмотрелась по сторонам, темной палаты, но была одна.

Такая тишина стояла, что мне казалось будто, заложило уши.

Боль внизу живота постепенно усиливалась с каждой минутой. Видимо переставали действовать обезболивающие. А это значит, что все правда. Что мой малыш...

Руки опустились на выпирающий живот и их прострелило фантомной болью от воспоминаний его шевелений, толчков изнутри.

Слезы, слезы, слезы... Хотелось потерять память навсегда и не помнить вообще ничего. Ни родителей, ни его...

Он тоже ушел. Бросил. Я виновата, признаю, но такого предательства я не ожидала. Сейчас я хотела крепких объятий и ничего больше.

Но Глеб так легко сказал те злые слова, что я понимаю только одно – он ничего так и не почувствовал ко мне за этот год. Это я как дурочка надеялась на чувства.

Значит я обязана поступить как он. Выбросить его из своей души. Не хочу помнить о нем. Не хочу...

Дверь открылась и ко мне вошел врач, но, когда я посмотрела

рела в ту сторону увидела сестру мужа.

– Рита, – вновь унесло восстановленное дыхание и меня скрутило.

– Тише, тише, дорогая, – она села рядом и склонилась, чтобы обнять. – Поплачь, Верочка. Поплачь.

И я плакала. Исушала себя этим водопадом саморазрушения. Но ничего не помогало и я знала – не поможет. Ведь ничего не изменить.

– Мне очень жаль, Вера.

– Значит, они не врут?

– Кто?

– Врачи, Глеб... его нет? – я хотела, чтобы она была одной, кто скажет правду. И эта правда будет другой, не той, что твердят мне другие. Но Рита опустила глаза и отрицательно помахала головой.

– Было уже поздно.

Можно ли такое принять? Можно ли простить себя за поступок, который привел к потере? Можно ли винить теперь Глеба, если хотелось от самой себя скрыться и сказать, что я ухожу. Но я заперта в этих мыслях и теле, чтобы жить с этой болью.

– Глеб сказал, что разводится со мной, – произношу отрешенно, немного успокоившись.

– Он так сказал? Он сейчас на эмоциях. Не обращай внимания.

– Долго мне лежать тут?

– Дней восемь. Если все будет хорошо со шрамом и твоим общим состоянием, то на выписку пойдешь.

– Вот как выйду из больницы, сама подам заявление. Он все что хотел, уже сказал. Достали все. Больше не буду скакать под чью-то дудку. Не буду жить как надо кому-то. Стану жить так, как того хочу я. А он... он пусть катится к черту, прости что так говорю тебе, но, если я виновата, я признаю это. Мне с этим жить. То он ушел по своей воле.

– Мой брат очень закрытый. Ты и сама видишь. В детдоме каждый за себя. Ты не говоришь по душам. Там это не оценят. Ни слабость, ни трусость. Не защищаю его, потому что считаю, что Глеб не прав. Просто давно хотела тебе сказать, что он такой. И ему сложно быть другим.

– Вот пусть и остается таким. Он свое лицо показал.

Она сидит, опустив голову и мне становится стыдно, что я так себя повела и была резка.

– Прости, он твой брат, но мне он был мужем.

– Я понимаю. Сейчас тебе нужно быть сильной. Постараться выдержать все это. И быть может потом как восстановишься, подумаешь об усыновлении? Очень много малышей в детских домах, кто-то по воле судьбы, кто-то по воле родителей.

– В смысле? Я не против, конечно, и даже думала с Глебом в дальнейшем поговорить об этом, но я пока что не ставлю на себе крест. Пройдет время, и я выйду замуж, рожу... – на этом слове она перестала смотреть в глаза. – Ты хочешь

сказать, что... Рит...

Вот такая цена у необдуманности двадцатилетней девчонки, которая решила, что знает лучше.

Уснула после укола успокоительного. До последнего смотрела на нее и шептала одними губами, чтобы больше не приходила. Чтобы больше никто не приходил ко мне. Не хочу никого видеть. Это только моя боль, я не поделюсь ею ни с кем.

Но утром после процедур разных, когда я была на краю ясности и сна, еще в коридоре я услышала маму.

Сейчас во мне разыграл инстинкт поиска надежного крыла, и я хотела его найти в объятиях матери.

Она ворвалась. И чуть запыхавшись выдохнула, а после посмотрела на меня глазами, в которых не было ничего кроме осуждения, недоумения, презрения.

– Допрыгалась?

Снова отделяюсь от этой оболочки и ухожу в себя. Не буду слушать. Не хочу.

– Чего добивалась? Не смогла ребенка выносить, поперлась к этому нищebroду. С ума сошла, Вера? Глеб позвонил отцу, сказал, что вы разводитесь. Это что правда?

Лежу на спине с закрытыми глазами, из которых стекают по вискам слезы, но не отвечаю. Слышу ее слова, слышу мерзость, которую она выплевывает, но молчу.

Потому что ненавижу, потому что чувствую себя одинокой. Я думала, что с рождением сына, это чувство пустоты

уйдет насовсем, в итоге оно размером с черную дыру и уже высосало все мои эмоции, и все мои чувства.

– Чего молчишь? Рада говорю, что в итоге своего доби-
лась. Отец сказал, что ни копейки тебе не даст и...

– Проваливай.

– Что ты там мычишь? И сядь, когда с тобой мать говорит.
Поднимаю голову и смотрю на нее.

– Я сказала, чтобы ты проваливала отсюда. И чтобы я ни
тебя ни его больше никогда не видела.

– Ах ты мерзавка неблагодарная, – заверещала на всю па-
лату.

– Я потеряла ребенка. Единственный человек, который
был рядом, сказал, что уходит от меня. Родители топчут но-
гами. Смешивают с пылью обвиняя в том, что я плохая дочь.
Я больше не смогу иметь детей, не говоря уже о том, что ме-
ня еле спасли вчера. А ты приходишь и говоришь мне о том,
что я потеряла прекрасного мужа и отец недоволен? Вали
отсюда я сказала к черту.

– Что за тон? Что за слова, Вера? – неожиданно останав-
ливает свой гонор.

– Прочь, – кричу ей, что она аж подпрыгивает на месте,
пятясь назад. – Уходи сказала. Ненавижу тебя, мама. За все
твои слова сегодня и раньше. Ненавижу и никогда не прощу,
так и знай. Забудьте обо мне. Приеду за вещами своими и
подальше от вас обоих.

– И куда ты пойдешь? На трассу? Отец тебе мужа подбе-

рет...

– Вон отсюда, пошла сказала... – ору снова и снова, чтобы пришли медсестры. – Не пускайте ее больше ко мне. Никого не пускайте.

Ее наконец выводят из палаты, и я снова одна остаюсь.

Так лучше. Так проще.

Время в больнице прошло быстро. Каждый день моим гостем была Ирина Викторовна, психолог. Остальных не пропускали, как я и просила. Но насколько мне известно, из желающих очереди не было. Приходила подруга и пытался пробраться отец.

День выписки выдался холодным. Почти зима на дворе. Внутри вообще Арктика.

Пока находилась в клинике, продумала кое-какой план. Снять квартиру небольшую, пойти учиться по своему желанию, и... просто жить.

Вызвала такси и не успела сесть в него, как меня окликнула Надя.

– Думала уедешь, не попрощавшись?

– Прости, – подошла к ней, – кажется, из меня выкачали дружелюбие и все остальные правильные человеческие качества.

Она жила в соседней палате. О том почему мы здесь, не говорили, но многое другое обсудить успели.

Наде тридцать семь. Самодостаточная, образованная. Двое детей подростков. С мужем развелась несколько лет на-

зад и сейчас как она говорит «чувствует себя вполне счастливой».

– Нормально, бывает. Номер мой записала? Или сделала вид? Ты звони. Догадываюсь что с тобой приключилось, но лезть в душу не буду. Но если будешь стоять на распутье и думать о том: «Нормально ли это позвонить ей и попросить помощь?», ответь на этот вопрос моими словами: «Вполне нормально».

– Хорошо. И спасибо.

– Поезжай. Я завтра на выписку. Так что, ты знаешь, что делать.

Киваю смущенно и сев в машину уезжаю, надеясь, что не пожалею о том, что номер ее так и не сохранила.

Подъезжая к дому, я не ощущала ничего. Я, итак, тут давно не была. После замужества выдохнула именно потому, что мне не приходилось больше жить под одной крышей с родителями. Если подумать звучит ужасно, но сейчас после всего что я пережила и того, что получила в ответ на мою боль, я считала, что это даже мало. Меня окружила и проникла внутрь ненависть. Большая, черная. Но знала я одно, отец еще не сказал своего слова и войдя внутрь, столкнувшись с глазами полными безразличия этот момент как раз наступил.

Невидимой броней окутала себя. Чтобы не проникала эта гниль далеко. Не хочу в себя это пускать.

– Ты посмотри кто вернулся. Адресом не ошиблась?

– Задумывалась об этом и пришла к выводу, что ошибка еще в роддоме произошла, – ответила и пошла в сторону лестницы на второй этаж.

Находиться здесь дольше пяти минут не желала.

– Куда направилась?

– В спальню за вещами.

– Вещами? Какими? Этими что ли? – кивнул в сторону небольшого закутка в стене, где раньше стояла большая ваза, а сейчас были... мои вещи, которые судя по сумкам привез Глеб.

Сбросила обиду и пошла туда.

– Этими, этими.

– А больше ничего сказать не хочешь?

Посмотрела недоумевающе на него.

– Сказать? Я?

– Например о том, что ты натворила. Что я лишился партнера, Титова. Что ты опозорила семью? Об этом, скажешь хоть слово?

– Ты... – слова терялись под толщей боли, которую он всколыхнул парой фраз. – Я тебя ненавижу. Изначально все вело меня к этому. Замужество, по твоему хотению, нежелание слушать мои планы, мои мечты. Вы ужасные оба. Я потеряла сына, – кричу, срываясь на слезы. – Я потеряла мой смысл жизни, не обретя его в полной мере, и не услышала ни одного слова сожаления от родных людей. Ни от мужа, ни от вас. Я всех вас ненавижу.

– А кто виноват? Кто виноват, что ты уперлась в свои фантазии? Что ты решила, что жизнь реальная не для тебя? Думала, что жить в роскошном доме с богатыми родителями и при этом потом смеясь будешь колесить по свету в поисках приключений? Нет милая моя, ты моя дочь. И ты была обязана отплатить мне за то, что я в тебя вложил.

– Что? Ты совсем с ума сошел? Какой бред ты несешь, отец. Отплатить? Я ничего не просила у тебя и мамы, никогда. Вы давали сами. Я попросила только одно, стать той, кем я хочу, и вы посчитали меня предательницей, но именно вы те, кто предал не раздумывая. Я не вещь, я просто ваша дочь, которая и о рождении своем не просила. И уж точно не обязана платить собой за вашу «щедрость».

– Так проваливай. Чтобы я тебя больше не видел здесь. Можешь прийти, когда одумаешься и попросишь прощения за свою выходку. Быть может, тогда мы поговорим с тобой.

Я не видела в нем больше отца. Даже раньше, он казался мне более благоразумным, чем сейчас. И я не понимала, да и не хотела понимать, что с ним произошло.

– Надеюсь, что ты никогда не пожалеешь о своих словах. Ведь тогда ты сам решишь попросить прощения, но я никогда вас с матерью не прошу. Я вас даже не выслушаю, закрыв дверь.

– Вон, – прогремел его грубый голос отскакивая от высоких стен большого особняка в классическом ненавистном мне стиле.

Взяла все свои сумки, чувствуя, как болит шрам и сам живот от этой тяжести и потащила на выход, перед этим заметив на лестнице маму. Она выглядывала из-за стены, но выйти так и не решилась.

Посмотрела на нее вложив в свой взгляд всю боль и ненависть. Пусть знает, что я не шучу и ушла, захлопнув массивную дверь, отсекая прошлое. Навсегда.

Хорошо, что у меня было все что нужно. Документы, одежда, электроника, деньги. У меня есть счет, это точно знаю, плюс карты, которые Глеб не заблокировал. Как бы мне не хотелось взять и выкинуть все это, я была еще в здравом уме. Ведь неизвестно, когда я смогу зарабатывать, если пойду учиться.

Остановилась в гостинице и принялась искать отобранные мной варианты квартир на карте города.

После подсчета финансов разложила все по «полочкам» и поняла, что квартиру мне не потянуть.

Зачеркнула вычисления и принялась за новые. Сайт квартир и комнат вновь был открыт. Параметры уменьшились и вроде бы все сходилось. Оставалось сверить сайт и явь. Комнаты в общежитиях, которые я отметила, были рядом с институтом культуры. Но сегодня я была так измотана и живот никак не проходил. Поэтому я прибралась, приняла душ и легла спать уже в восемь вечера, выключив свой телефон, заметив входящий от Глеба.

Утром после процедур и выпитых таблеток, которые на-

значили в больнице, отправилась по адресам. Но с каждым новым, меня ждало разочарование.

До обеда я в край замерзла и была ужасно расстроена.

Только одна комната, оказалась в более-менее хорошем состоянии, и все-таки ремонт предстояло сделать, плюс купить кое-что из мебели.

Телефон, не переставая звонил, уже начав раздражать. Я думала что это Глеб, но номер был не записан в записную книгу.

– Алло?

– Так и знала, что не записала. Я была в свое время такой же гордой.

– А... Надя? Прости, нет, я записала, просто...

– Не извиняйся и не оправдывайся. Имела право. Меня тут выписали, домой еду. Дети что-то приготовили, а мне страшно от этого. Что могут приготовить двенадцатилетние дочери?

– Даже не знаю, может быть яичницу?

– Сказали десерт. Чем занимаешься?

– Я, – посмотрела в окно кафе, внутри которого находилась и решила не лгать. – Пью вполне сносный кофе, и раздумываю о том, что сделать первым. Устроить ремонт в комнате или для начала поступить в институт.

– Великие планы. Помочь?

– Распределить бюджет?

– Да нет. Я может и не знаменитая на весь город личность,

но кое-кого знаю, в том числе и из института. Ты же про тот, что Искусств?

– Про него.

– А что с комнатой?

– Съездила по адресам, и поняла, что везде ремонт требуется. Просто где-то больше, где-то меньше.

– Ага. Ну и с этим помочь могу.

– Ну если ты предложишь мне жить у тебя, я откажусь.

– Хм, я об этом думала, но решила, что тебе девочка стоит начать вставать на ноги самой. Плюс, подозревала что откажешься. Так что могу помочь с временным жильем, пока сделаешь ремонт.

– Оу... тогда, я была бы благодарна, так как жить в отеле очень дорого для меня.

– Тогда садись в такси и ко мне. Сначала поедем нормальной еды, а потом будем решать твои проблемы, Вера.

– Спасибо, – улыбнулась так, словно она могла видеть мою благодарность.

– Еще скажешь свое «спасибо».

Расплатилась за свой кофе с булочкой, выехала к ней, и снова позвонил Глеб.

– Тебе что-то нужно?

– Вера, привет. Я звоню уже черт знает сколько, ты почему не берешь трубку?

– А тебе не пришло в голову, что я не хочу этого делать?

– Где ты?

– Не там, где ты меня оставил. Двигаюсь дальше. Ты что-то хотел?

– Спросить, как ты?

– Я отлично. Потеряла ребенка, мужа, родителей. Но знаешь, не считая малыша, остальные элементы отвалились сами за ненадобностью. И вот этому я очень рада. А сейчас извини, я занята. И спасибо, что документы оформил быстро. Больше не звони, мы отныне друг другу никто.

– Вера, постой...

Но звонок был мною сброшен. Телефон выключен, а настроение на нуле, при том, что поднялось оно от нуля не так высоко.

Глава 5

Что значит начинать с начала?

Что значит восставать из пепла?

Я не знала о таких понятиях ничего. Но вот она я, сожженная самой собой. Совершившая большую ошибку. Стою у подножия ада. Я не хочу даже голову поднимать на лестницу ведущую вверх. Но и вниз спуститься не могу. Это не мой путь.

Ровно посередине балансирую.

– Ну же, ты поступила, а теперь иди, – подталкивает в спину Надя.

– Я же справлюсь, да? Смогу? – трясущимися губами спрашиваю ее и получаю в ответ ее «фирменную» улыбку.

– Ты уже смогла, Верочка.

– Ладно. Пойду. Спасибо тебе, – порывисто обнимаю ее и переступаю порог учебного заведения.

Не знаю каким таким чудом ей удалось меня затолкать меня в октябре в институт искусств, но факт таковым остается. Я иду по коридорам, заполненным студентами самых разных факультетов в деканат откуда выпускают будущих хореографов.

Впереди меня ждет четыре года обучения и большое желание не оглядываться назад.

Спустя год

– Вера? – окликает меня мужской голос, и я оборачиваюсь, не зная кого там увижу.

– Игнат? – узнаю в высоком светловолосом молодом человеке парня из моего университета, когда училась на экономическом. Правда не думала, что он меня узнает, все же мы не были даже близкими друзьями, просто порой общались.

– Ничего себе. Ты где пропала? Столько времени прошло, – искренние его эмоции немного трогают.

В моей жизни мало осталось людей с кем я могу быть откровенной, самой собой. Пережитое закалило характер, покрыло невидимой защитой от боли. Я не мотылек, который бездумно летит на свет ища там что-то новое, я скорее та, кто пятится назад, избегает.

Мне нормально. А рядом те, кто должен быть.

За этот год я приобрела знания и опыт. Оградила от прошлого совсем. Мне так спокойней. Мне так лучше.

– Да так. Жизнь обнулить решила вдруг. Как ты?

– Я хорошо. Закончил строительный еще в том году, когда ты поступала. Теперь работаю на большого босса. Часто в разъездах, потому что контролирую строительство в других городах. В общем как-то так. А ты? Может в кафе посидим? Давно не виделись.

Недолго думаю о его предложении и соглашаюсь в итоге.

– А знаешь, хорошая идея, мне торопиться некуда.

Попрощавшись с Игнатом, обмениваемся номерами телефонов договорившись снова встретиться.

Надя по-прежнему моя опора и большая поддержка. Принять жизнь какой она стала было сложно. Я обращалась в другие клиники через полгода, хотела чуда. Я люблю детей. Я хочу работать именно с ними после окончания института, но те на перебой отвечали одно и то же.

По сей день я с этим пытаюсь смириться, кажется, немного выходит.

Еще одним местом моего спокойствия стала та самая Ирина Викторовна, психолог из клиники. Мы сдружились. Сейчас видимся больше, как друзья, ведь и с Надей я их познакомила, но часто наши встречи заканчиваются беседами о моем внутреннем мире.

О тех, кто остался за чертой прошлого, я ни разу не узнавала ничего. Но жизнь в одном городе с родителями сложна. Я боюсь, что они меня увидят, найдут. Но пока что удавалось избежать этого. Да и, я не скрываюсь где-то там, а это значит, что если бы хотели, то пришли.

– Что-то припозднилась, – подмигивает Надя, накрывая на стол.

– Да встретила парня из института. Давно не виделись.

– Так так, а чего щечки покраснели? – щипает за упомянутую часть моего лица.

– Брось, он старый знакомый.

– И почему бы ему не задержаться в твоей жизни сейчас?

– Я... не уверена, что способна впустить кого-то из мужчин в свою реальность. Да и нечестно это будет, Надь.

– Никто не говорит, что ты должна идти и рассказывать ему о себе всю подноготную. К тому же просто пообщаться не говорит о том, что это обязательно приведет в ЗАГС.

– Мы договорились встретиться снова. Обменялись номерами, но я в сомнениях.

– Садись за стол. Тут Ира нужна. Без нее не разберешь.

– Да не в чем разбираться. Мы просто друзья.

– Ну да, ну да.

После того разговора с подругой мы виделись с Игнатом еще несколько раз. Потом он уехал по работе и постоянно созванивались, писали сообщения. Рассказывали друг другу все больше фактов о своих жизнях.

Так я узнала, что он был почти женат. Но в последний момент они разошлись из-за того, что встал вопрос о детях. И если девушка была настроена родить парочку уже скоро после свадьбы, то мужчина не был особо рад. Но мне кажется, что они просто не очень хотели вступать в брак, потому и нашли причину.

– Ну, а ты? Слышал ты была замужем. Что случилось?

Вопрос застал врасплох. И мне не хотелось на него отвечать, но раз мы разговорились с ним и вроде бы пытаемся довериться, почему нет? Что если и Надя и Ира правы? Что если мне нужно попробовать впустить в свою жизнь кого-то

другого?

– Брак устроили родители, а через год, я потеряла нашего ребенка, и Глеб ушел.

– Ничего себе. Я даже не знаю, что сказать если честно. Как-то фигово.

– Как есть.

– Мне жаль.

– Спасибо.

Он молчал, а я тихо плакала в трубку.

– Знаешь, я перезвоню тебе через минут тридцать, – внешне ответил и отключился.

А через полчаса я услышала стук в комнату, в которой я так и жила после сделанного мной и Надей ремонта.

– Игнат? – удивляюсь тому, что он стоит передо мной.

– Погуляем?

– Я... – смотрю на свою домашнюю одежду. – Уже почти ночь.

– Ну и что. Одевайся, я на улице подожду, там ветерок небольшой, одень кофту.

– Ладно.

Мы гуляли почти всю ночь. Смеялись. Наверное, впервые спустя столько времени, я так смеялась. Мне правда становилось легче от того, что меня за руку держит кто-то и ведет за собой. Вот только снова идти за кем-то было страшно. Отпускать свою жизнь и вручать ее кому-то я не желала. Но довериться решила снова.

***

– А вы правда считаете, что семь месяцев – это не мало? – спрашиваю моих замечательных Иру и Надю, за ночь до свадьбы с Игнатом.

– Думаешь, что надо ждать всю жизнь и тогда узнаешь человека полностью? Нет милая моя, люди выдают когда угодно такие фортели что сразу же сомневаешься в том, что вообще знаешь его. Так что если чувствуешь себя уверенно с ним рядом, если не ощущаешь неприятия, отторжения, и двадцать четыре часа наедине не заканчиваются убийством, то можно и замуж идти.

– Но первый раз я тоже...

– Пытаешься сравнить и не наступить на те же грабли? Тогда начни с того, кто все устроил, и хотела ли ты этого сама и как все происходит сейчас. Ответ будет очевиден.

– Я боюсь, – честно признаюсь.

– Сейчас ты идешь по этому пути сама, Вера. Потому что выбрала этого мужчину именно ты. Зачем бояться, если вы только начинаете. Да и ты вполне самостоятельная уже. Еще два года и станешь работать по профессии. Все налаживается, дорогая. И пора бы тебе поверить, что эта жизнь невероятна и сложна, и только тебе решать, как быть: строить или подстраиваться.

– Главное не теряйте контакт. Разговаривайте.

– Успокоили, могу спать ложиться без сомнений.

Мы с Игнатом решили не устраивать что-то пышное. Рас-

пишемся с ним в ЗАГСЕ в присутствии наших друзей и его родителей, с которыми сложились интересные конечно отношения, особенно мамой, ждущей внуков.

С женихом мы этот момент обсудили, и он сказал, что это не проблема и он принимает меня такой какая я есть. А учитывая, что он не жаждет детей, мы решили обсудить вопрос усыновления потом. Сейчас у меня учеба, у него работа и карьера.

Так что стычки с его матерью удастся обходить, потому что он меня защищает. Думаю, что после свадьбы и вовсе на нет сойдет. Точнее я на это надеюсь.

После ресторана мы поехали с моим уже мужем в классное местечко на Алтае. Дорога вышла увлекательной. А учитывая, что сейчас зима, покататься на лыжах, хоть ни один из нас не умеет, мы были не против.

Кажется я, не отбрасывая набранного опыта, была счастлива и очень надеялась, что не ошиблась. Ни я, ни он. Что наш выбор стал правильным.

Глава 6

5 лет спустя

– Игнат, я просто переживаю. В последнее время ты часто уезжал, а в итоге вернувшись предлагаешь переехать в другой город? – смотрю на мужа и не понимаю, как мне поступить правильно.

– Вер, мне дают работу при которой я больше не буду разъезжать по области, пойми.

– Пытаюсь понять, но тут наша жизнь и... Боже, ты меня огорошил этим заявлением, что я не могу поверить, что мне не послышалось.

Он подходит ко мне, сидящей в кресле в нашей гостиной и начинает разминать плечи.

– Давай сходим и поужинаем сегодня в ресторан. Обсудим детали.

– Детали, – с усмешкой повторяю. – Для тебя моя жизнь и работа всего лишь детали?

– Я не это имел в виду.

– Сомневаюсь. Ты можешь легко поместить свою жизнь в чемодан и сорваться куда угодно, потому что ты так привык, а я нет.

– Я не обвиняю и не упрекаю тебя, я хочу, чтобы мы все

обсудили, вот и все.

– Ладно, – сдаюсь, встав с кресла. – Сходим и обсудим.

Оставляю в голове тот факт, что он уже все решил и просто желает добиться того, чтобы мое мнение стало таким же, как и его.

Ухожу в комнату, переодеваюсь и иду пробежаться. Даю время нам обоим подумать.

За эти пять лет замужней жизни многое было. Быть может мы не идеал семьи с Игнатом, но ссоры и примирения, разлука и воссоединение, все это сделало нас ближе, как я думаю. Он долго шел к этому моменту, и мы, конечно, надеялись на то, что ему дадут место в офисе в этом городе, а не в столичном. И я его поддерживала постоянно. Но сейчас, мне невероятно тяжело.

Уехать отсюда так просто? И ведь я понимаю, что иного пути нет. Муж работал, долгие годы добиваясь этого, а я только пару лет работаю в школе танцев. Могу найти работу легко. Но у меня внутри все переворачивается. Я не знаю, как это пояснить, как сказать, что это за чувство, когда подташнивает и голова кружится от одной мысли о переезде.

Что если я в данном случае эгоистка? Что если я поступаю, неправильно закатывая глаза?

Добежала до конца парка и развернулась чтобы вернуться, как увидела вдруг машину отца у магазина ювелирных украшений.

Сразу же накинула капюшон и рванула подальше отсюда.

Два года назад, они с мамой узнали о моем втором замужестве, а может быть знали все это время, просто накипело именно тогда и решили напомнить кто я такая и кто они.

Разговор мало погодил на беседу нескольких лиц. Скорее сначала был монолог отца, разочаровавшегося в «любимом» ребенке, а затем матери.

Они говорили о том, что Игнат нищоброд, а я бессовестная и неблагодарная тварь, которая посмела отвернуться от тех, кто дал мне все. Но я выслушала их молча и просто ушла сказав, что они обознались.

И вот я думаю, что, если сейчас это какой-то знак? Знак того, что мне нужно бежать дальше отсюда. Так далеко, как смогу.

Что если, это и есть правильное решение?

Мы семья с Игнатом. Он мой муж и я его очень уважаю, горжусь. Всегда рядом со своей поддержкой. Ведь не вставать мне в позу? Может давно пора сменить этот городок?

Возвращаюсь домой уже пешком, восстанавливая дыхание. Поднимаюсь в квартиру и застаю мужа за глубокими размышлениями. Потому что, подойдя ближе, он меня не сразу заметил.

– Как пробежалась? – сразу убирает ноутбук с колен, куда тянет меня.

– Я потная, не стоит. Пробежалась хорошо. Сейчас приму душ и вернусь к тебе. Можешь мне приготовить кофе?

– Конечно.

Весь день у нас проходит в думках. Рассеянном состоянии. К ужину в принципе каждый из нас был со своим решением. Но Игнат не знал, каким будет мое.

Сделав заказ, сели ровно и стали смотреть в глаза друг друга.

– Ты пытаешься понять, что я решила?

– А ты пытаешься понять меня?

– Ага. И хочу сказать, что мы семья с тобой. Ты мой муж. Я тебя люблю. Я видела, как ты работал и стремился туда, куда хотел попасть, пусть немного траектория в итоге отличается, однако это путь вверх. Поэтому я не могу тебя отговаривать оставаться на месте и не поехать за тобой тоже не могу. Прости, что так отреагировала. Я была шокирована. Перемены в моей жизни всегда причиняли боль, поэтому я испугалась.

Он берет мою руку в свою и улыбаясь благодарит.

– Спасибо за понимание, Вера. Я бы хотел, чтобы решение было иным у руководства, но это не в моих силах.

– Все хорошо. Думаю, там я найду работу быстро. Все-таки город вдвое больше нашего.

Сборы заняли не так много времени. Больше вывело на эмоции прощание с подругами. С моими девочками из группы моих танцоров.

Они так искренне плакали узнав, что я уезжаю, а ведь им каждой по пять лет и меньше. Они приготовили на последнее занятие открытки, которые нарисовали сами. Красивый

номер, который придумали сами и много-много приятных слов.

Свою материнскую, нерастрченную любовь я отдавала им и каждый раз приходя домой не чувствовала усталости. Я любила то, что делаю и никогда не смогу заниматься чем-то другим, никогда.

Надя и Ира поддержали. Сказав, что иного решения в ситуации между мной и мужем не было. Не разводиться же.

В итоге через две недели, я сидела в машине с Игнатом немного напуганная, но определенно счастливая с надеждой в сердце.

Квартиру, что мы сняли я обставила в течение первой недели. Решила в это время пока мы обживаемся не искать так остро работу. К ее поискам я приступила через две недели и сразу же бросилась в глаза школа танцев, у которой несколько таких студий были расположены по городу.

В моем районе как раз одна такая находилась в паре минут езды от дома.

– Ну что, сегодня пойдешь относить документы? – спрашивает, садясь за стол завтракать Игнат.

– Да, присмотрела пару школ. В третьей наиболее популярной не преподают малышам, так что сразу отбросила этот вариант.

– А может тебе попробовать себя с более взрослыми детьми?

– Нет, я... Знаешь, я всегда мечтала помогать малышам

и малышам делать первые шаги в мир танцев. Это так увлекательно. Смотреть как эти дети начинают чувствовать музыку, ее ритм. Это не передать словами, – улыбаясь обращаю внимание на то, что он смотрит в телефон и лишь изредка смотрит на меня произнося очередное «ага».

За это время, что мы тут поселились так много времени проводить вместе мы так и не стали. Да муж теперь часто дома, но я так боюсь почувствовать себя параноиком, но кажется, что он рядом и в то же время далеко. А еще этот телефон.

Эти годы я не вспоминала Глеба. Но, бывало, что меня отчего-то раздирало изнутри. От какого-то чувства злости, отчаяния и несправедливости. Не знаю откуда это. Я пыталась уничтожить даже крохи памяти, но шрам на животе напоминал не только о малыше, но и о бывшем муже.

Нечасто, но так больно.

И сейчас я смотрела на Игната и словно шесть лет назад, в те дни, когда говорила о чем-то, а он смотрел в проклятый смартфон.

Встала из-за стола и пожелав приятного аппетита ушла в ванную.

– Но ты не поела, Вер.

– Не голодна.

Встала под душ и ощутила дрожь.

Я знала, что это так проникает страх. Прямо сочится изнутри и вылезает наружу. Да я боюсь. Не ставлю перед со-

бой стеной мои ужасы, но я боюсь. Доверие тонкая и хрупкая вещь и я бы не сказала, что избавилась от навязчивой идеи, что Игнат такой же, как и Глеб.

Просушила волосы. Нанесла сразу же макияж, который состоял из тона для кожи и туши с помадой. Высокий хвост.

Одела классические прямые брюки, лоферы и рубашку.

– Что-то не так, – встретил в гостиной вопрос от мужа.

– Нет, я волнуюсь. Но хотела попросить, чтобы ты, задавая вопросы слушал ответы. Это неприятно, когда я говорю с тобой, а ты не отлипаешь от телефона.

Сейчас я говорю о том, что мне не нравится. Кое-что можно оставить внутри, не быть же вечно недовольной и пилить за мелочи, но сейчас решила на вопрос ответить.

Он понимающе кивнул и подошел, положив руки на талию.

– Прости. Там написали по работе. Я пока что привыкаю к постоянному месту работы, поэтому тоже волнуюсь и стараюсь сразу же отвечать на сообщения.

– Понимаю.

– Сходим поужинать сегодня? И погулять по городу? С этим обустройством, так и не выбрались ни разу никуда.

– Согласна. Тем более такая погода хорошая.

– Ну да, лето имеет свойство заканчиваться. Тебя подвезти?

– Спасибо, не нужно, прогуляюсь, – поднимаюсь на носочки и целую его на прощание перед долгой разлукой на

целый день.

– До вечера, – отвечает и уходит первым.

Проверяю технику, вдруг что-то забыла выключить. В сумочку кладу на всякий случай плотные лосины и купальник танцевальный с чешками.

Улыбаюсь себе перед выходом посмотрев в зеркало и ухажу.

Школа оказалась очень приличной. Значит отзывы о ней соответствовали действительности. Директор Варвара Леонидовна милая и подтянутая женщина, в прошлом такой же хореограф встретила радушно.

Провела меня по классам, где занимались группы разных возрастов. Так же мне стало известно и о том, что в ее школе есть другие музыкальные классы, фортепиано, скрипка, виолончель. Но эта школа на другом конце города.

– В общем-то Верочка, мы рады видеть у нас молодых девочек. Если не давать шанс, как вам опыта набраться. Институт мне ваш знаком. У нас работают хореографы, окончившие его. Сейчас вы можете пройти к Татьяне Сергеевне, она в первом зале ведет занятие. Можем провести пробное. Посмотреть на вас, если вы готовы. Ваши документы я уже просмотрела.

– Большое вам спасибо. К занятию я заранее подготовилась.

– Хорошо, пойдемте покажу раздевалку, и мы будем ждать вас в классе.

Страх у меня внутри не было. Видимо так бывает, когда знаешь дело, которым занимаешься с удовольствием и большой любовью.

Так все и было.

Малышки с удовольствием повторяли, играли в мои игры на восприятие ритма и счета. Я снова оживала, кружась с ними по паркету.

Итогом стало приглашение на дальнейшую беседу, создание расписания занятий и выбора группы детей.

Позвонила, выйдя из школы Игнату, но он не ответил. Набрала Надю и с удовольствием рассказала об успехах.

– А как ты вообще? Нравится там?

– Сложно сказать. Мы пока что не узнавали город. Я пропадала дома, наводила красоту, Игнат работал. Но сейчас я уже войду в ритм и думаю обживусь как следует. Как твои девочки?

– Ой, учеба, слезы. Любовь. Все, как и прежде. Первый курс почти закончили. Думаю, отправиться на отдых с ними как закроют сессии свои.

– Замечательная идея.

– Ага, только одна хочет туда, вторая не хочет сюда.

– Ну ты же их знаешь. Выбор всегда за тобой в итоге остается.

– Знаю. Ладно, пойду работать, Вер. Звони рассказывай, что там да как у тебя.

– Пока, Надюш.

Улыбнулась, убрав телефон в сумку, решив прогуляться вновь. Но он вновь зазвонил, а на экране высветилось сообщение обрушившее все настроение:

«Вер, сегодня я на работе задержусь, а там уже поздно будет для прогулки. Может завтра?»

Но ответить что-то не поднялась рука, потому что она стирала странные слезы, выступившие на глазах. Причину их я не смогла понять, видимо это была просто обида, а может одиночество?

Глава 7

Работа захватила так, что я ушла с головой. Игнат тоже, кажется, освоился. Перенесенный ужин состоялся чуть позже. Теперь и я приходила домой уставшая.

В выходные по привычке мы бегали с мужем, найдя недалеко парк. Проводили время вместе, но что-то нас непреодолимо отделяло. Словно мы на резинке и нас тянули в разные стороны.

Позвонила Ире и рассказала ей мои ощущения, мысли и сомнения. Все сводилось вроде бы к моему внутреннему состоянию. К тому, что я на новом месте и я просто боюсь. Мне казалось, что я просто перебарщиваю. Решила отпустить немного это напряжение. К тому же, между нами, все оставалось по-прежнему... кажется.

Почему я решила, что у него не может быть загруженности на новом месте? Не знаю.

Июнь закончился быстро, и я все больше привыкала к большому городу, его ритму. На работе вообще стала «своей». Коллектив принял меня очень радушно за что огромное спасибо я бы сказала именно директору.

– Как думаешь, пара недель отпуска возможна на новом месте? – спрашиваю Игната, прогуливая в субботу от магазина к магазину.

– Даже не знаю, Вер. Думаешь руководители оценят только что появившегося сотрудника в стенах офиса, так мечтающего о повышении и оседлости вместо разъездов, который через два месяца просит отпуск?

В его голосе было нечто такое, словно он задает вопрос с недопониманием несмышленому ребенку. Но на самом деле не понимала именно я.

– А в чем проблема? Тебе положен отпуск. Ты имеешь полное право его попросить когда угодно. Ты работал не только здесь, но и до переезда вообще из командировок не вылезал, словно ездовая лошадь. Думаешь они этого не понимают?

– Я не об этом. Просто хочу, чтобы они увидели во мне того же целеустремленного работника. А не так чтобы приехал и сразу расслабился. Думаю, в этом году без отпуска.

Остановилась посреди тротуара и ждала, когда Игнат поступит так же. Повернулся и подошел.

– В чем дело? Ты со мной не согласна?

– Согласна? То, что ты говоришь не кажется мне правильным. Я бы даже бредом назвала. Они что не знают какой ты сотрудник? Прекрасно знают. Тебе дали ставку не где-то там, а в главном офисе региона, это говорит о том, что они не дураки.

Он выдыхает и опускает плечи.

– В чем дело? – не выдерживаю уже меняя тон. – Мы переехали. Ты теперь работаешь там, где хотел. Когда я паковала

чемоданы ты не выглядел таким обреченным, Игнат. Что-то изменилось за эти два месяца?

– Нет, Вер. Я просто... Пойми, я долго работал и наконец получил то, что хотел. Я не могу сейчас уйти в отпуск.

Меня рвало на части от внутреннего конфликта. Одна половина хотела почему-то кричать, что и я работала. Что бросила работу, но винить в этом мужа нет смысла, потому что я сама так решила и поддержала его. Так и поступают жены? Верно? Вторая половина силилась уйти от крика и этого нервного состояния. Пожалеть мужа, потому что знала его заслуги.

– Прости, – опускает руки на мои плечи и ведет по ним вниз перехватывая ладони с пакетами в них. – Может быть я отправлю тебя отдохнуть?

– Да ну, одна не хочу, – тут же нахожу силы и перебарываю первый вариант, склоняя все ко второму и принимаю позицию «понимающей жены», так скажем. – Это ты прости.

– Куплю тебе на следующую субботу день в спа, или как это называется? Отдохнешь вдоволь.

– Спасибо, не откажусь, – улыбаюсь, зная, что это подмена понятий словно, но решение принято.

Очередная рабочая неделя подходила к концу, а я была готова не вылазить из студии.

После репетиции с малышками как часто бывает, я решила немного отдохнуть и перекусить.

Вышла на улицу переодевшись в легкий сарафан, где

солнце палило просто до ужаса сильно сегодня. Села в уличном кафе, что на углу от школы танцев и сделала заказ. Напиток мгновенно оказывается передо мной, за что я очень благодарна девушке.

Повертела головой и заулыбалась от того, как много в такой день вышло мамочек с детьми.

Моя больная тема, но если мне дано только наблюдать за ними, то я с удовольствием и жизнь этому посвящаю.

Разворачиваюсь обратно к своему холодному чаю, который предпочитаю в жаркие дни и в глаза через дорогу бросается мужская фигура, выделяющаяся своим ростом. Серый пиджак, стильная прическа с немного лохматой челкой. Очень высокий мужчина. Он стоял на светофоре и постоянно смотрел вниз на маленькую девочку, которую держал за руку. А когда загорелся «зеленый человечек» поднял голову, от чего я пролила свой напиток на стол, не донеся стакан до рта. Разве могла не узнать в этом красивом мужчине своего бывшего мужа?

Живот скрутило такой болью, как и почти семь лет назад, когда он уходил из больничной палаты, после того как я потеряла нашего малыша по своей глупости.

Глаза наполнились слезами, а рот открылся в немом крике, прикрываемый моей трясущейся ладонью.

Кадры мелькали передо мной холодными безжизненными снимками моей ломки. Темных ночей, полных слез и душевного метания. Вопросы «зачем?» и «почему?». Все выросло

за мгновение, словно я не строила себя заново все эти годы. Рухнуло в ущелье прошлого, которое разинуло свою пасть и пожирало меня, ту, какой была я сегодня. Пожирало до той Веры, которую я оставила в палате, раненной и сломанной... одинокой...

Малышка, показавшаяся мне до этого пятилетней или шестилетней, оказалась старше немного, но это не суть.

Ведь они вошли под натянутый тент, и я рассмотрела эту невообразимо красивую девочку, когда она на меня глянула мельком. Я увидела в ней Глеба. Она... она была так на него похожа. Вздернутый, милый носик, голубые глаза, кудрявые, каштановые волосы.

Господи! Она так была вылитая он.

Он живет дальше. Он имеет своего ребенка, а я осталась на руинах той жизни с жутким шрамом на животе, в напоминание о том, что я никогда не стану мамой.

Глеб улыбнулся на ее очередную реплику и внезапно поднял свой взгляд на меня. Застыв во времени.

Разбивая к черту все временные рамки, обнуляя таймер в тысячи секунд от нашего начала и до этого момента.

Виновница и предатель!

Он и я!

Слишком чужие и далекие, но с одной болью пополам.

Он смотрел своими потрясенными глазами, на почти стоющую от воспоминаний и реальности бывшую жену. А я умирала снова и не верила, что способна на восстановление

ВНОВЬ.

Память самый коварный виртуоз боли. Избирательна и безжалостна.

Сейчас я не хотела видеть перед глазами его жестокий взгляд, в котором была твердость намерения, с которым он уходил из палаты тогда. Я не хотела слышать его слова. Я закопала это все огромной лопатой на заднем дворе проклятой памяти. А она взяла и нарушила мой покой.

Глеб стоял неподвижно какое-то время, а после его за руку дернула девочка возвращая внимание к себе и только тогда, когда гипноз его взгляда меня отпустил я вскочила на ноги и решила убежать.

Подальше. Так далеко, чтобы никто не нашел, но окрик остановил. Извинилась перед официанткой, оплатила свой заказ и все же ушла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.